

УДК 316.2

DOI 10.25688/2223-6872.2019.30.2.07

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ СОВРЕМЕННОСТИ И УГРОЗЫ ИДЕНТИЧНОСТИ: СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИИ КУЛЬТУРНОЙ ТРАВМЫ П. ШТОМПКИ

О. А. Добрина,
НГПУ, Новосибирск,
dobrina-o@mail.ru

Цель статьи — обобщить, систематизировать и уточнить представленные в научной литературе теоретические подходы к анализу концепции «культурная травма» в теории Петра Штомпки, провести системный анализ и поиск индикаторов для эмпирической операционализации этого понятия. Культурная травма исследуется как одна из значимых угроз идентичности в среде высокого социального риска.

Рассмотрено влияние среды социального риска на возникновение травматических событий в социальной культуре. Культурная травма вызывается социальным изменением, осуществляемым в условиях высокого социального риска, поскольку оно порождается социальной активностью различных социальных групп, которые руководствуются разными интересами. Данные риски могут относиться к области межличностных взаимодействий, информационных и групповых процессов, межгрупповой координации или целеполагания. Осуществляемые социальные изменения становятся травматическими событиями, если являются внезапными, масштабными и разрушающими привычный социальный порядок и парализующими созидательную активность социального субъекта.

Культурная травма представляет собой угрозу личностной, социальной и культурной идентичности, деформируя представления человека или группы о самих себе, о непрерывности жизненного пути и смысле исторического пути сообщества.

Представлено теоретическое обоснование того факта, что разные группы отличаются по степени восприимчивости к культурной травме. Выявлены и логически обоснованы показатели социальной травматизации, объединенные в четыре группы факторов: социально-демографическую, социально-психологическую, социально-культурную и социально-политическую.

Выявленная в теоретическом анализе социологическая интерпретация феномена культурной травмы может оказаться полезной при объяснении многих проблем в жизни различных социальных групп.

Ключевые слова: социальный риск; угроза идентичности; культурная травма; системный анализ; эмпирическая интерпретация.

Для цитирования: Добрина О. А. Социальные риски современности и угрозы идентичности: системный анализ концепции культурной травмы П. Штомпки // Системная психология и социология. 2019. № 2 (30). С. 77–87. DOI: 10.25688/2223-6872.2019.30.2.07

Добрина Ольга Александровна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной психологии и виктимологии Новосибирского государственного педагогического университета, Новосибирск.

E-mail: dobrina-o@mail.ru

**SOCIAL RISKS OF MODERNITY AND THE THREATS TO IDENTITY:
SYSTEMATIC ANALYSIS OF P. SZTOMPKA'S CONCEPT
OF CULTURAL TRAUMA**

O. A. Dobrina,
NSPU, Novosibirsk,
dobrina-o@mail.ru

This paper purposes to generalize, systematize and clarify scientific literature theoretical approaches to the analysis of the concept of «cultural trauma» in Piotr Sztompka's theory to perform a system analysis and search for indicators for the empirical operationalization of this concept. Cultural trauma is considered as one of the main threats to identity in high social risk environment.

The article examines the influence of social risk environment on the occurrence of traumatic events in social culture. Cultural trauma is caused by social change, carried out in conditions of high social risk, as it is generated by the social activity of different social groups, which are guided by different interests. These risks may relate to interpersonal interactions, information and group processes, inter-group coordination or goal setting. Implemented social changes become traumatic events if they are sudden, large-scale and destabilizing to the usual social order and paralyze the creative activity of the social subject.

Cultural trauma threatens to personal, social and cultural identity, distorting a person's or group's perceptions of themselves, the continuity of life and the meaning of the historical path of the community.

The theoretical substantiation of the fact that different groups differ in the degree of susceptibility to cultural trauma is presented in the paper. The article identified and logically justified indicators of social traumatization, united in four groups of factors: socio-demographic, socio-psychological, socio-cultural and socio-political factors.

Identified in the theoretical analysis of sociological interpretation of the cultural trauma phenomenon may be helpful in clarifying many of scientific problems in the life of various social parts of contemporary Russian society.

Keywords: social risk; threats to identity; cultural trauma; system analysis; empirical interpretation.

For citation: Dobrina O. A. Social Risks of Modernity and the Threats to Identity: Systematic Analysis of P. Sztompka's Concept of Cultural Trauma // Systems Psychology and Sociology. 2019. № 2 (30). P. 77–87. DOI: 10.25688/2223-6872.2019.30.2.07

Dobrina Olga Aleksandrovna, PhD in Sociology, associate professor at the Department of Social Psychology and Victimology of the Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia.

E-mail: dobrina-o@mail.ru.

Введение

Проблема социальных рисков и угроз идентичности вызывает устойчивый интерес у современных исследователей и включается в проблемное поле социологии, социальной психологии, педагогики, культурологии и других социогуманитарных дисциплин. Современная социология представляет рефлексивное осмысление XX – начала XXI века, в котором человечество столкнулось с множеством социальных потрясений и катастроф, войн, революций, кризисов, стихийных движений и массовых беспорядков. Вследствие этого меняется концепция социального времени. Смещается акцент с постулирования идеалов прогресса и социального порядка

на транслирование переживаний катастрофичности и апокалиптичности происходящих перемен.

С другой стороны, постнеклассическая социология вводит в проблемное поле изучения и анализа объективных закономерностей социальных процессов и изменений еще одну переменную — описание опыта их проживания и переживания отдельными группами людей. Эти две тенденции приводят к проникновению в социологию концепции социальной и культурной травмы как одной из значимых угроз идентичности в среде высокого социального риска.

В соответствии с этим данная работа направлена на системный анализ понятия культурной травмы и разработку эмпирических

индикаторов культурного травмирования. Поставленная задача может открыть широкое поле перед прикладными исследователями в аспекте поиска релевантных и сопоставимых данных с последующей их систематизацией, трансляцией широкой общественности и использованием в качестве научной основы для принятия управленческих решений и построения социальных проектов и программ.

Однако эта задача осложняется следующими особенностями объекта исследования. Во-первых, медицинское «прошлое» понятия травмы влечет за собой не только широкий спектр медицинской терминологии, но и предполагает перенос механизма «излечения», тогда как переживание травмы социальными группами должно существенно отличаться от этого процесса у индивидов. Во-вторых, «понятность» термина на уровне обыденного сознания привносит в научный оборот традицию его бытовых толкований. В-третьих, эмоциональная нагруженность коннотативного ряда затрудняет собственно социологический анализ концепта культурной травмы.

Однако это не снижает значимости задачи разработки методологических и методико-процедурных аспектов понятия, необходимого для проведения корректных и сопоставимых эмпирических исследований в области социологии травмы, а также поиска социальных механизмов ее предупреждения и снижения риска негативных ее последствий.

В статье теоретическая интерпретация исследуемого понятия будет осуществляться в следующих измерениях: социальные риски, приводящие к культурной травме; угрозы идентичности, возникающие вследствие культурной травмы; эмпирическая интерпретация понятия «культурная травма».

Социальные риски культурной травмы

Теоретическая разработка в социологии понятия «культурная травма» принадлежит перу современного польского социолога Петра Штомпки (р. 1944)¹. Оно введено

¹ Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социс. 2001. № 1. С. 6–17.

в более широкую систему понятий социологии повседневности и общественного доверия² в синхроническом поле и восходит к теории аномии Эмиля Дюркгейма³ в диахроническом аспекте.

Стремительное проникновение термина «травма» из области медицины, психиатрии и психоанализа в социальные науки и последующая концептуализация связаны с ее чрезвычайно обширным объяснительным потенциалом. Множество коннотаций и высокая степень эмоциональной нагруженности делают это понятие объясняющим намного более широкий спектр социальных проблем и дисфункциональных последствий человеческой активности, чем мыслилось изначально.

На сегодняшний день понятие «культурная травма» является мультидисциплинарным и интенсивно используется и анализируется как российскими, так и зарубежными учеными.

В философии и культурологии рассматриваются мировоззренческие и методологические аспекты культурной травмы [3; 4–9; 11; 12]. В социальной психологии данный концепт используется при анализе национальной идентичности современного российского студенчества [13], для изучения ожиданий, верований и убеждений жертв природных и социальных катастроф [14; 17; 21], при изучении Интернета как пространства построения идентичности [23].

В области новейшей истории понятие «культурная травма» применяется при изучении ментальных и социально-психологических последствий психотравмирующих исторических событий [1; 15; 16; 18; 22; 24; 25; 26], при объяснении истории взаимоотношений церковной и государственной власти [7].

В социологии культурная травма исследуется в теоретическом и общеметодологическом аспектах [2; 19; 20], однако подобный анализ не исчерпывает всех эмпирических возможностей этого понятия.

В основе понятия «культурная травма» лежит социальное изменение, которое

² *Sztompka P. Trust: A Sociological Theory.* Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 214 p.

³ Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. М.: Мысль, 1994. 399 с.

однозначно связано с выбором и сопутствующим ему риском. Если в классической (в терминологии П. Штомпки — прогрессистской) теории социальных изменений последние рассматривались как управляемые и целенаправленно ведущие человечество по ступеням исторического прогресса, то пост-прогрессистская парадигма трактует общественные трансформации как неопределенные, непредсказуемые следствия производной от многочисленных решений, принимаемых движимыми различными мотивами акторами (участниками социального взаимодействия). Подобное понимание социальных изменений Штомпка основывает на нижеследующих постулатах.

Активной движущей силой изменений являются коллективные агентства — действующие коллективы людей (нации, классы, профессиональные группы, социальные движения и т. п.). Негативный опыт предшествующих социальных изменений оказывает парализующее влияние на последующую активность агентства. Социальные изменения оказывают неравномерное влияние на разные кластеры действующей социальной группы.

Основными характеристиками социальных изменений являются скорость, темп и ритм, предполагающий чередование резких скачков и периодов относительного замедления. Разные сферы общественной жизни отличаются по темпам социальных изменений. Особой инерционностью обладает сфера культуры, под которой понимаются ценности, убеждения, нормы и выражающие их символы, выполняющие функции структурирования опыта и нормативного регулирования поведения представителей данной социальной общности. Источником культурной травмы могут быть резкие и неожиданные социальные изменения, парализующие способность агентов культуры к активной созидательной деятельности.

Предпринятый в данной статье системный анализ концепта позволяет выделить следующие группы рисков, способствующих возникновению коллективной культурной травмы. Первую группу составляют риски деструктивных межличностных взаимодействий в активной социальной группе:

конкуренция, моббинг, конфликты и пр., снижающие сплоченность и эффективность деятельности группы. Во вторую группу можно включить информационно-ресурсные риски: ограниченность доступа к достаточной и достоверной информации, порождающая циркуляцию слухов, сплетен, формирование негативных стереотипов, распространение паники. К третьей группе целесообразно отнести риски групповых процессов: актуальный этап в развитии группы (формирование, функционирование, изменение структуры или цели, стагнация, распад и т. п.), требующий гибкого и адекватного ситуации управления. В четвертой — это риски координации: эффективные сети взаимодействия группы с внешним для нее социальным окружением.

И, наконец, особую группу составляют риски целеполагания: трудности в выборе социально одобряемой цели в условиях отсутствия разделяемого всеми ценностно-нормативного регулирования.

Эти группы рисков порождают возможности возникновения и остроту переживания травматических событий, к которым могут быть отнесены радикальные изменения в экономической сфере (кризисы рынка или финансовой системы, экономические реформы, коллективизация, приватизация и т. п.); в политической (войны, революции, государственные перевороты, геноцид или депортация отдельных групп, оккупация, колонизация); в духовной (религиозная реформация, аксиологическая переоценка прошлого и т. п.); природные и техногенные катастрофы. Травматические события отличаются внезапностью, непредсказуемостью, масштабностью и глубиной разрушительного проникновения в сложившийся социальный и культурный порядок жизни общества.

Таким образом, вызывающее травматические последствия социальное изменение осуществляется в области высокого риска, поскольку оно представляет собой производную взаимодействий разных социальных групп, которые руководствуются различными, а зачастую пересекающимися интересами, чьи действия могут усиливать, ослаблять или деформировать друг друга. Риски могут лежать в области межличностных взаимодействий,

информационных и групповых процессов, межгрупповой координации или целеполагания. Порождаемые ими социальные изменения становятся травматическими событиями, если характеризуются внезапностью, масштабностью и деструктивностью, разрушая привычный социальный порядок и парализуя созидательную активность социального субъекта.

Культурная травма как угроза идентичности

Культурная травма может быть интерпретирована как угроза идентичности в силу следующих соображений. Травматические события приводят к разрушению привычного жизненного мира человека, искажают его мировосприятие, снижают социальную активность, деформируют систему ценностей и норм. Рассматривая вопрос о переходе травматических событий в культурную травму, П. Штомпка приводит следующие иллюстрации, признавая, что их перечень не является исчерпывающим. Культурная травма репрезентируется как переоценка исторического опыта, интерпретация значительного события прошлого в ключе, противоположном базовым ценностям культуры в настоящем: поражение в войне, разрушение империи, осознание неискупленных грехов нации (примерами могут служить Холокост в Европе или история рабства в Америке). Культурная травма интерпретируется как культурный конфликт, столкновение ценностей и норм представителей определенного этноса с иной культурной средой, в которой они оказались вследствие вынужденного территориального перемещения (миграции или депортации) или экспансии (колонизации). Культурная травма представляет собой культурное отставание, обусловленное несинхронностью изменений в различных ее сегментах: несоответствие институционализированных сфер экономики и права, недостаточная культурная интериоризация новых научных открытий и технологических изобретений. И, наконец, еще одна разновидность культурной травмы — это раскрытие новых фактов или интерпретация их в ином освещении.

К перечисленным Штомпкой иллюстрациям можно добавить состояние аномии как статуса общественного сознания в условиях, когда старая и привычная всем система ценностей уже отжила, а новая еще не сформировалась, результатом чего становится размывание границ нормативно одобряемого поведения и, как следствие, рост и изменение характера девиантных поступков. Но и на этом типологизация культурных травм не может считаться завершенной, она может дополняться или реструктурироваться в ходе теоретического осмысления новых эмпирических фактов.

Штомпка выделяет три аспекта воздействия культурной травмы в социальном изменении: биологический, социально-структурный и уровень воздействия на культуру. Биологический (демографический) уровень проявляется в снижении рождаемости, росте числа физических и психических отклонений. Уровень социальной структуры отражается в разрушении сложившейся системы социальных и организационно-иерархических связей, проявлениях анархии на разных уровнях власти, распаде традиционных и привычных социальных институтов. Штомпка считает воздействие на культуру наиболее глубоким, поскольку ввиду инерционности культурной сферы она сохраняется в коллективной памяти дольше других и передается от поколения к поколению. Можно добавить также уникальную возможность культуры транслировать травмы в художественном творчестве. Штомпка называет ее «культурно интерпретируемой раной на ткани культуры»⁴. В этом аспекте культурная травма затрагивает глубинный пласт ценностей, смыслов и символов, разделяемых всеми членами сообщества.

Представляется, что к данным трем выделенным Штомпкой измерениям целесообразно добавить четвертую «мишень» культурной травмы — разрушающее воздействие на идентичность. В таком контексте представляется возможным интерпретировать культурную травму как угрозу идентичности, понимаемой как тождественность человека или социума самим себе, непрерывности прошлого,

⁴ Штомпка П. Социальное изменение как травма. С. 7.

настоящего и планируемого будущего, риск утраты чувства согласованности и смысла исторического пути сообщества и жизненного пути человека в нем.

Угроза личностной идентичности как согласованной системе межличностных и социальных ролей, интегрирующей прошлое, настоящее и планы на будущее и проявляющейся в относительно определенном ответе на вопрос «Кто Я?», выражается в таких социальных фактах, как увеличение числа самоубийств и различных видов самоповреждающего поведения (девальвация ценности человеческой жизни); распространение суррогатного материнства и отказа от детей (снижение значимости материнства и родственных связей, личностной ответственности); хирургическое изменение пола (разрушение гендерной определенности) и т. п.

Угроза социальной идентичности проявляется в снижении уровня гражданской ответственности, политической созидательности, социальной фрустрированности, профессиональной дезориентированности, социального эскапизма и пр. Угроза культурной идентичности, понимаемой как осознание человеком принадлежности к определенной культуре, готовность и способность воспринимать, создавать и транслировать культурные образцы, задевает глубинное ядро идентичности — ценности, убеждения, верования и выражающие их символы. Коллективное переживание травмы транслируется средствами культуры как утрата сообществом собственной идентичности, как разрыв непрерывности пространственно-временного континуума, как потеря связи культурных истоков и ценностно окрашенного образа будущего.

Таким образом, концепт «культурная травма» понимается как состояние, которое переживается социальной группой или общностью вследствие внезапно возникающих травматических событий, приводящих к деформации или разрушению ментальных и нравственных основ привычного жизненного мира личности и социальной общности. Она интерпретируется как угроза биологическому (демографическому) равновесию, социальному порядку, ценностно-нормативным основаниям культуры, личностной и социальной идентичности.

Степень и глубина разрушительного воздействия культурной травмы, а также продолжительность ее переживания зависит от социально оцениваемой значимости разрушенного травмой жизненного мира, глубины укорененности ценностей, норм и традиций, определяющих возможность и желательность его сохранения или восстановления.

Эмпирическая интерпретация процесса культурной травматизации

Наименее разработанной в современной социологии является эмпирическая интерпретация понятия культурной травмы, что затрудняет системный анализ исследуемого социального факта и разработку социальных механизмов его предупреждения. П. Штомпка постулирует разную степень восприимчивости отдельных социальных групп к культурным травмам и предполагает наличие центральных групп, наиболее подверженных травматическому воздействию. В качестве факторов, формирующих способность противостоять культурным травмам, он выделяет обладание ресурсами культурного и социального капитала. Главным из них ученый считает образование, которое формирует эффективные навыки активного совладания с культурными травмами. Логически это вполне объяснимо, поскольку полученное образование предполагает способность и готовность к повышению квалификации, профессиональной переподготовке, создает благоприятные условия для успешной профессиональной, а знание иностранных языков и для территориальной мобильности. Это теоретическое предположение на сегодняшний день нашло эмпирическое подтверждение: в исследовании Т. П. Емельяновой⁵ установлено, что выраженность социальной фрустрированности (предполагаемой в качестве индикатора степени воздействия культурной травмы) в группах интеллигенции и студентов оказалась ниже,

⁵ Емельянова Т. П. Культурная травма: социально-психологические аспекты // Материалы итоговой научной конференции Института психологии РАН. М.: ИП РАН. 2008. С. 78–88.

чем у рабочих, неработающих пенсионеров и безработных. Правда, нет указаний на то, контролировался ли в проведенном исследовании возрастной фактор, который мог внести свою «нагрузку» в статистику результатов.

В качестве других условий лучшего совладания с травмой Штомпка называет толерантность и релятивизм; социальную укорененность (наличие широкой сети семейных и дружеских связей, способной оказать эмоциональную поддержку); а также богатство и власть, выполняющих функцию своеобразных социальных буферов, смягчающих удары травматических событий.

Безусловно, этот список также нельзя считать полным, однако предпринятый теоретический анализ концепта культурной травмы Штомпка может служить основой для построения системы понятий, их эмпирической интерпретации и осуществить очередной методико-процедурный шаг к последующей операционализации выявленных индикаторов. Методологической аналогией для интеграции эмпирических показателей в единую концептуальную модель является подход, предложенный в монографии Б. Н. Рыжова «Системная психология» [10].

В рамках системологического подхода в эмпирическом исследовании культурной травматизации должны контролироваться следующие уровни социальной системы и репрезентирующие их показатели: социально-демографический, социально-психологический, социально-политический и социально-культурный. Это позволит построить системную модель исследования воздействия культурной травмы на различные социальные группы.

Социально-демографический фактор может быть представлен такими релевантными изучаемой проблеме показателями, как возраст, уровень образования, семейное положение, место жительства, профессиональная востребованность, занятость или самозанятость. Каждый из них вносит свой вклад в проявление восприимчивости социальной группой воздействия культурной травмы.

Социально-психологический фактор предположительно включает следующие показатели: социальная активность, социальная адаптивность, ценностно-ориентационное

единство с группой, социальные представления, сформированность идентичности.

Социально-политический фактор может быть сконструирован через проявления конкретных значений показателей социальной солидарности, социального равенства, доверия к власти, социальной поддержки, интеграции социальных институтов.

Социально-культурный фактор культурной травматизации может быть представлен следующими показателями: национальные традиции, образ культуры, толерантность, культурный релятивизм (см. табл. 1).

Данная система эмпирических индикаторов представляется перспективной базой для проведения конкретных социологических исследований в области изучения культурной травмы, возможностей ее прогнозирования, предупреждения ее последствий в социально-виктимных группах и управления социальными изменениями.

Таким образом, в теории культурной травмы П. Штомпка теоретически обосновывает разную степень чувствительности социальных групп к ее воздействию. Отдельные его утверждения нашли эмпирическое подтверждение. Однако эмпирический поиск на сегодняшний день представляется недостаточным, фрагментарным и в некоторой степени случайным. Предлагаемая эмпирическая интерпретация может способствовать преодолению разрыва между теоретической и прикладной социологией в области изучения культурной травмы.

Заключение

Культурная травма вызывается социальными изменениями, осуществляемыми в условиях высокого социального риска, поскольку они порождаются социальной активностью различных социальных групп, которые руководствуются различными интересами. Данные риски могут относиться к области межличностных взаимодействий, информационных и групповых процессов, межгрупповой координации или целеполагания. Осуществляемые социальные изменения становятся травматическими событиями, если являются

Системная модель воздействия культурной травмы на различные социальные группы

		Показатели социальной системы
Факторы социальной системы	Социально-демографический	<p><i>Возраст.</i> Представители старших возрастных групп являются менее социально защищенными, имеют более низкий ресурс профессиональной и территориальной мобильности, к тому же имеют больший социальный «груз» пережитых ранее социальных травм.</p> <p><i>Уровень образования.</i> Более образованные обладают более высокими ресурсами профессиональной и территориальной мобильности.</p> <p><i>Ресурс семьи.</i> Люди, имеющие полную, и особенно многопоколенную семью имеют возможность получить эмоциональную поддержку (при условии благоприятных отношений в семье), что может смягчить уровень культурной травматизации.</p> <p><i>Место жительства.</i> Проживание в крупном городе дает большие возможности социальных контактов и профессиональной мобильности, по сравнению с малым моноструктурным городом или сельской местностью.</p> <p><i>Профессиональная востребованность, занятость или самозанятость.</i> Владение престижной и востребованной профессией позволяет человеку успешнее адаптироваться к изменившимся социальным условиям</p>
	Социально-психологический	<p><i>Социальная активность.</i> Высокая ее степень и опыт участия в социальных процессах позволяет направить данный ресурс на изменение существующих обстоятельств.</p> <p><i>Социальная адаптивность.</i> Высокий уровень данного показателя позволяет прогнозировать успешное взаимодействие человека с меняющейся социальной средой.</p> <p><i>Ценностно-ориентационное единство с группой.</i> Высокая его степень способствует эффективной и согласованной координации для выхода из травматических ситуаций.</p> <p><i>Социальные представления.</i> Устойчиво позитивные социальные представления регулируют ментальную деятельность человека в травматической ситуации.</p> <p><i>Сформированность идентичности.</i> Сформированная идентичность позволяет сохранить устойчивое представление о себе в изменившихся условиях</p>
	Социально-политический	<p><i>Социальная солидарность.</i> Высокая ее степень предполагает взаимную помощь и поддержку носителей данной культуры в травматических ситуациях.</p> <p><i>Социальное равенство.</i> Обеспечение равных прав и возможностей в различных сферах жизни общества способствует снижению напряженности в экстремальных социальных условиях.</p> <p><i>Доверие к власти.</i> Открытое положительное отношение общественности к системе власти облегчит возможность проведения реформ, направленных на снижение социального напряжения.</p> <p><i>Социальная поддержка.</i> Доступная и своевременная социальная помощь и поддержка слабо защищенных слоев населения сможет повысить уровень социального оптимизма.</p> <p><i>Интеграция социальных институтов.</i> Высокая степень интеграции в институциональной сфере будет способствовать быстрому и эффективному управлению социальной системой в травматической ситуации</p>
	Социально-культурный	<p><i>Национальные традиции.</i> Знание их и соблюдение обеспечивает укорененность человека в культуре и дает точку опоры в условиях катастрофических социальных изменений.</p> <p><i>Образ культуры.</i> Позитивный образ своей культуры позволяет избежать деструктивных эмоций по поводу переживаний коллективной вины при переоценке событий истории.</p> <p><i>Толерантность.</i> Высокий уровень социальной и этнической толерантности создает условия бесконфликтного взаимодействия с представителями других культур.</p> <p><i>Культурный релятивизм.</i> Подобная позиция позволяет объективно оценить ценности и нормы иных культур, отличающихся от культуры носителя</p>

внезапными, масштабными и разрушающими привычный социальный порядок и парализующими созидательную активность социального субъекта.

Культурная травма представляет собой угрозу личностной, социальной и культурной идентичности, деформируя представления человека или группы о самих себе, о непрерывности жизненного пути и смысле исторического пути сообщества.

Разные группы отличаются разной степенью восприимчивости к культурной травме. В статье выявлены и логически обоснованы показатели социальной травматизации, объединенные в четыре группы факторов:

социально-демографический, социально-психологический, социально-культурный и социально-политический.

Разработанная концептуальная модель культурной травмы и репрезентирующая ее система эмпирических индикаторов может стать методологической основой для проведения конкретных социологических исследований в области изучения культурной травмы, преодоления разрыва между теоретической и прикладной социологией в обозначенном проблемном поле, выявления групп риска культурной травматизации и предупреждения негативных последствий социальных изменений.

Литература

1. **Аганесян А. В.** Культура памяти и некоторые модели памяти о геноциде армян в современном армянском обществе // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 4–1. С. 46–54.
2. **Белова И. С.** «Ослабленное мышление» — метафизическая травма современной культуры: по мотивам Джанни Ваттимо // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2015. Т. 206. С. 244–253.
3. **Гукова А. В.** Современный цинизм как форма критически-рефлексивного мировоззрения // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 5–10.
4. **Дудинiec В. В., Артеменко Н. А.** Культурная травма Германии в диспуте Карла Ясперса и Мартина Хайдеггера // Studia Culturae. 2018. № 36. С. 31–43.
5. **Кожин О. В.** Культурно-ценностные основания рисков современного российского социума // Цивилизация – Общество – Человек. 2016. Т. 1. № 2–3–02–03. С. 24–26.
6. **Лапин Н. И.** Пути социологии к проблеме сложности современной трансформации российского общества // Личность. Культура. Общество. 2018. Т. 20. № 1–2 (97–980). С. 55–67.
7. **Логунова Л. Ю., Рычков В. А.** Противоречия исторической и социальной памяти во взаимоотношениях церкви и государства // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 38. С. 186–199.
8. **Пименова Н. Н.** Современная философская позиция по вопросу механизмов социокультурных изменений // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2. С. 47–69.
9. **Рахаев Дж. Я.** Воспроизведение травмы: осмысление депортации в профессиональной культуре репрессированных народов Северного Кавказа (на примере балкарцев и карачаевцев) // Русский травелог XVIII–XX веков. Новосибирск: НГПУ. 2015. С. 542–562.
10. **Рыжов Б. Н.** Системная психология. 2-е изд. М.: Т8 Издательские Технологии, 2017. 356 с.
11. **Сенкевич А. В.** Страдание человека и страдание мира: светская философия о решении проблемы // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. № 3 (88). С. 13–16.
12. **Тынянова О. Н.** Кризис культуры как культура кризиса? Производство пространств и перепроизводство окрестностей // Пространство и время. 2018. № 1–2 (31–32). С. 10–15.
13. **Юшкова Л. А.** Представления современной молодежи о России и Америке: сравнительный анализ результатов исследований 1995, 1996, 1998 и 2015 гг. // Сибирский педагогический журнал. 2016. № 6. С. 73–78.
14. **Casper M. J., Wertheimer E.** Critical Trauma Studies: Understanding Violence, Conflict and Memory in everyday Life. New York: New York University Press. 2016. 293 pp.
15. **De Medeiros K., Ermoshkina P., Rubinstein R.** The Role of Relevancy and Social Suffering in «Generativity» among Older Post-Soviet Women Immigrants // Gerontologist. 2015. Т. 55. № 4. P. 526–536.

16. **Estevez-Saa M., Pereira-Ares N.** Trauma and Transculturalism in Contemporary Fictional Memories of 9/11 // *Critique*. 2016. T. 57. № 3. P. 268–278.
17. **Garifatulina N. Kh., Rachipa A. V., Vorobyev G. A., Kasyanov V. V., Chapurko T. M., Pavlenko I. I., Samygin S. I.** Socio-political Changes as a Socio-cultural Trauma for the Social Health of Russian Youth // *Modern Journal of Language Teaching Methods*. 2018. T. 8. № 5. P. 602–609.
18. **Garagozov R.** Painful Collective Memory: Measuring Collective Memory Affect in the Carabakh Conflict // *Peace and Conflict*. 2016. T. 22. № 1. P. 28–35.
19. **Karabulatova I., Patieva M., Seidina M., Podkopaeva A., Kushnirenko V., Nivazova G.** Tolerance/Intolerance Problems in the Repressed Caucasians Ethno-Trauma Transformation // *Man in India*. 2017. T. 97. № 23. P. 95–103.
20. **Kravccenko S. A.** The Becoming Complex Socium: Social and Cultural Trauma // *Facing an Unequal World: Challenges for Russian Sociology. Papers of Russian Sociologists for the XVIII ISA World Congress of Sociology*. Editor-in-Chief V. Mansurov. 2014. P. 53–55.
21. **Nalipay M., Bernardo A., B., I., Mordeno I. G.** Social Complexity Beliefs Predict Posttraumatic Growth in Survivors of a Natural Disaster // *Psychological Trauma: Theory, research, Practice, and Policy*. 2016. T. 8. № 5. P. 559–567.
22. **Osipov G., Karabulatova I., Shafranov-Kutsev G., Kononova L., Akhmetova B., Loskutova E., Nivazova G.** Ethnic Trauma and its Echo in Today's Mental Picture of the World among the Peoples of the Post-Soviet States: an Interethnic Conflicting Discourse Infolding in Russia's Ethnolinguistic Information Space // *Central Asia and Caucasus*. 2016. T. 17. № 2. P. 87–94.
23. **Platonova R. I., Shkurko N. S., Stepanov P. A., Lukina T. N., Antonova V. N., Ivanov A. K., Okhlopko D. K.** The Internet as Identity Construction space // *Modern Journal of Language Teaching Methods*. 2018. T. 8. № 6. P. 66–73.
24. **Rozhdestvenskaya E., Semenova V., Tartakovskaya I., Kosela K.** *Collective Memories in War*. London, 2016. 196 p. (Studies in European Sociology.)
25. **Ten Dam C.** How to Feud and Rebel: 2. Histories, Cultures and Grievances of Chechens and Albanians // *Iran and the Caucasus*. 2015. T. 15. № 1–2. P. 234–273.
26. **Yair G.** Israeli Existential Anxiety: Cultural Trauma and the Constitution of National Character // *Social Identities*. 2014. T. 20. № 4–5. P. 346–362.

References

1. **Atanesyan A. V.** The Memory of Culture and some models of memory of the Armenian genocide in modern Armenian society // *Historical and socio-educational thought*. 2016. Vol. 8. № 4–1. P. 46–54.
2. **Belov I. S.** «Impaired thinking» — metaphysical trauma of modern culture: inspired by Gianni Vattimo // *Proceedings of Saint-Petersburg state Institute of culture*. 2015. Vol. 206. P. 244–253.
3. **Gukova A. V.** Modern cynicism as a form of critical-reflexive worldview // *Bulletin of Tomsk state University. Philosophy. Sociology. Political science*. 2018. № 44. P. 5–10.
4. **The Visegrád V. V., Artemenko N. A.** Cultural trauma of Germany in the dispute of Karl Jaspers and Martin Heidegger // *Studia Culturae*. 2018. № 36. P. 31–43.
5. **Kozhin O. V.** Cultural and value bases of risks of modern Russian society // *Civilization-Society-Man*. 2016. Vol.1. № 2–3–02–03. P. 24–26.
6. **Lapin N. I.** Ways of sociology to the problem of complexity of modern transformation of Russian society // *Personality. Culture. Society*. 2018. Vol. 20. № 1–2 (97–98). P. 55–67.
7. **Logunova L. Yu., Rychkov V. A.** Contradictions of historical and social memory in the relationship of Church and state // *Bulletin of Tomsk state University. Philosophy. Sociology. Political science*. 2017. № 38. P. 186–199.
8. **Pimenov N. N.** Modern philosophical position on the question of mechanisms of social and cultural change // *Siberian journal of anthropology*. 2018. Vol. 2. P. 47–69.
9. **Rakhaev G. I.** The reproduction of trauma: understanding of deportation in the professional culture of the repressed peoples of the North Caucasus (on the example of the Balkars and Karachays) // *Russian travelogue XVIII–XX centuries*. Novosibirsk: NSPU, 2015. P. 542–562.
10. **Ryzhov B. N.** *System psychology*. 2-nd ed. M.: T8 Publishing Technologies, 2017. 356 p.
11. **Senkevich A.V.** Human Suffering and the suffering of the world: secular philosophy on solving the problem // *News of Volgograd state pedagogical University*. 2014. № 3 (88). P. 13–16.

12. **Тунянова О. Н.** The crisis of culture as a culture of crisis? Production of spaces and overproduction of neighborhoods // *Space and Time*. 2018. № 1–2 (31–32). P. 10–15.
13. **Yushkova L. A.** The representations of modern youth about Russia and America: a comparative analysis of research results 1995, 1996, 1998 and 2015 // *Siberian pedagogical journal*. 2016. № 6. P. 73–78.
14. **Casper M. J., Wertheimer E.** *Critical Trauma Studies: Understanding Violence, Conflict and Memory in everyday Life*. New York: New York University Press. 2016. 293 pp.
15. **De Medeiros K., Ermoshkina P., Rubinstein R.** The Role of Relevancy and Social Suffering in «Generativity» among Older Post-Soviet Women Immigrants // *Gerontologist*. 2015. T. 55. № 4. P. 526–536.
16. **Estevez-Saa M., Pereira-Ares N.** Trauma and Transculturalism in Contemporary Fictional Memories of 9/11 // *Critique*. 2016. T. 57. № 3. P. 268–278.
17. **Garifatulina N. Kh., Rachipa A. V., Vorobyev G. A., Kasyanov V. V., Chapurko T. M., Pavlenko I. I., Samygin S. I.** Socio-political Changes as a Socio-cultural Trauma for the Social Health of Russian Youth // *Modern Journal of Language Teaching Methods*. 2018. T. 8. № 5. P. 602–609.
18. **Garagozov R.** Painful Collective Memory: Measuring Collective Memory Affect in the Carabakh Conflict // *Peace and Conflict*. 2016. T. 22. № 1. P. 28–35.
19. **Karabulatova I., Patieva M., Seidina M., Podkopaeva A., Kushnirenko V., Nivazova G.** Tolerance/Intolerance Problems in the Repressed Caucasians Ethno-Trauma Transformation // *Man in India*. 2017. T. 97. № 23. P. 95–103.
20. **Kravccenko S. A.** The Becoming Complex Socium: Social and Cultural Trauma // *Facing an Unequal World: Challenges for Russian Sociology. Papers of Russian Sociologists for the XVIII ISA World Congress of Sociology*. Editor-in-Chief V. Mansurov. 2014. P. 53–55.
21. **Nalipay M., Bernardo A., B., I., Mordeno I. G.** Social Complexity Beliefs Predict Posttraumatic Growth in Survivors of a Natural Disaster // *Psychological Trauma: Theory, research, Practice, and Policy*. 2016. T. 8. № 5. P. 559–567.
22. **Osipov G., Karabulatova I., Shafranov-Kutsev G., Kononova L., Akhmetova B., Loskutova E., Nivazova G.** Ethnic Trauma and its Echo in Today's Mental Picture of the World among the Peoples of the Post-Soviet States: an Interethnic Conflicting Discourse Infolding in Russia's Ethnolinguistic Information Space // *Central Asia and Caucasus*. 2016. T. 17. № 2. P. 87–94.
23. **Platonova R. I., Shkurko N. S., Stepanov P. A., Lukina T. N., Antonova V. N., Ivanov A. K., Okhlopova D. K.** The Internet as Identity Construction space // *Modern Journal of Language Teaching Methods*. 2018. T. 8. № 6. P. 66–73.
24. **Rozhdestvenskaya E., Semenova V., Tartakovskaya I., Kosela K.** *Collective Memories in War*. London, 2016. 196 p. (Studies in European Sociology.)
25. **Ten Dam C.** How to Feud and Rebel: 2. Histories, Cultures and Grivances of Chechens and Albanians // *Iran and the Caucasus*. 2015. T. 15. № 1–2. P. 234–273.
26. **Yair G.** Israeli Existential Anxiety: Cultural Trauma and the Constitution of National Character // *Social Identities*. 2014. T. 20. № 4–5. P. 346–362.